

ЗОЛОТАЯ
серия поэзии

Юрий Кублановский

Избранное

Москва
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
К88

Оформление серии *А. Андреева*

Кублановский, Юрий Михайлович.
К88 Избранное (изд. 2-е, испр. и доп.) / Юрий
Кублановский. — Москва : Эксмо, 2024. — 336 с.
ISBN 978-5-04-196274-6

Юрий Кублановский — выдающийся современный поэт, лауреат ряда литературных наград и премий. Его лирика широко известна в России и за рубежом.

В книгу вошли избранные стихотворения поэта, написанные на протяжении полувека.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-196274-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ЖИВАЯ ПОЛНОТА ЯЗЫКА...

...Поэзия Юрия Кублановского — отличается верностью традициям русского стихосложения, ненавязчиво, с большим чувством меры обновлённой метафоричностью — никогда не эксцентричной, всегда оправданной по сущности; и естественной упругостью стиха, часто просящегося к перечитыванию и запоминанию.

В наше время, когда вся литература в целом понесла потери в русскости языка, сужается в лексике, — Кублановский сохраняет его живую полноту. Другие неотъемлемые качества его лирики — глубинная сроднённость с историей и религиозная насыщенность чувства.

Нельзя оставить без внимания и достойную биографию поэта: после многих лет политических преследований он в 1982 году был вынужден выехать в эмиграцию, где, наряду с европейскими впечатлениями, продолжал разработку русских тем, — затем первый из всех эмигрантов бесповоротно, не на туристскую поездку, вернулся в Россию (в 1990-м) и здесь отдал всё своё внимание бедствиям нынешнего времени, особенно в своей родной Ярославщине.

*А. Солженицын
1995, Москва*

НА ЭТЮДАХ

Дворы безлюдные. Замшелые дрова.
Лицо и руки вымочила морось.
Окрестный лес блестит, как конский волос,
болотная поломана трава.

Приятель мой в тяжёлых сапогах
с этюдником в руке по грязи скачет.
И церковь разорённая маячит,
чуть видимая в четырёх шагах.

Сельхозмашины остов голубой
навстречу людям выгибает шею.
Ты зябнешь, друг. Я тоже холодею.
И одиночеством насытился любой.

Седой мираж напоминает быть.
Когда по ватману плывут, щетинясь, ели,
как утешают нас размывы акварели
плюс два стаканчика и красного бутыл!

1969

НОЧЬ В ОСТАНКИНЕ

Клумб взошедшая маками пашня.
Ртутно блещет сырая листва.
Вдалеке огоньки телебашни,
словно маленький дом божества.

Где-то узник ложится на нары,
где-то птица уснула, а тут
сплошь и рядом влюблённые пары
не решили, где ночь проведут.

Перед ними судьба свои карты
не раскрыла ещё до конца.
Знайте, юные дамы и барды,
если в вас не остыли сердца,

не помогут вам куртки с кистями,
ливень вымочит ложе травы..
Прижимаясь друг к другу телами,
постепенно расстанетесь вы.

Знай, любитель гитарного звона,
от тебя в предьяоньскую ночь,
испугавшись, в родимое лоно
убежит адмиральская дочь.

1970

В АБРАМЦЕВЕ

Hélène Grosbois

Ты помнишь неба нежный хрящ
и леса чёрную корягу?
Я не забыл твой узкий плащ,
твоих волос ржаную тягу!

Как, торопясь в обратный путь
в осеннем сумраке лиловом,
решили мы передохнуть
на тёплом ворохе кленовом.

И соблазнял вороний крик
и терпкий аромат грибницы
тебя, читавшую в тот миг
эдемский стих самоубийцы.

Щедра у памяти казна:
скупой огонь последней спички,
затяжка первая вкусна,
свистки далёкой электрички,

открытый тамбур, тусклый свет,
фигуры пассажиров спящих...
Как много вырастает лет
из тех минут животворящих!

1971

УТРО

В букетик цветного горошка
залез горожанин-комар.
Предутренный холод в окошко
вползает, как радужный шар...

Ещё запелёнуто тело
и вещи не ожили. Что ж
уже перед зеркалом села
и панцирный гребень берёшь?

Кровавишь поджатые губы,
кладёшь на глаза изумруд,
и шпильки, зажатые в зубы,
свирепость лицу придают.

Волшбой, самодержица, правишь!
Гнетёшь дотлевающим сном.
Всё давишь мне на душу, давишь
в светающем доме пустом.

1972

БЕЛОМОРЬЕ

Осеннее солнце садится
за тёмный с прожилками лес,
в котором кустарник дичится
и листьев осталось в обрез.
У берега выпрыгну с лодки,
гремучею цепью взмахну.
Устал я, и хочется водки
хорошую рюмку одну.
Закат зеленеющий ярок,
но вокруг него стало темней.
И шёлковый шарф — твой подарок
повязан на шее моей.

1972

ЛЕСНИК

*Мы сегодня от счастья в слезах,
как апостол, прозревший в Дамаске,
так что радужный воздух в глазах
уподобился детской гримаске.*

1

В соломенной шторе мерцают полосы,
мерещатся вещи сквозь сумрак и тишь.
И я уже выкурил треть папироски...
А ты, драгоценная, дышишь и спишь.

Ах, я не достоин такого подарка!
Я знаю лицо твоё, губы, плечо.
Я знаю, где холодно, знаю, где жарко,
где сразу и холодно и горячо.

Проснись — мы натопим огромную печку,
на наших глазах испаряется чай.
Мороз заковал свою бедную речку,
метель навалила сугроб невзначай.

Вот наша округа с её околотком,
с холодной скорлупкой, горячим ядром...
Румяный лесник с золотою бородкой
проехал в санях перед нашим окном.

2

Румяный лесник с золотою бородкой,
к тому же — в фуражке с зелёной бархоткой
проехал...

И сердце забилося сильней.

Куда он направился? Верно, за водкой!
Я б тоже, любимая, выпил с охоткой,
да где её взять, не имея саней?

Вот если бы было немного поближе...
А впрочем, в груди моей хватит огня:
давай-ка я встану скорее на лыжи,
а ты, зарыдав, перекрестишь меня.

По древнему лесу с порошей в овраге
помчусь, чтоб запомнить уже на века —
замёрзший замок на стеклянном сельмаге
и странно блуждающий взгляд лесника.

1974

* * *

В. Борисову

1

Старый зубчатый храм
с трещиной пополам.

Целые дни сюда
льётся с небес вода.

Сад наш пошёл ко дну.
Красную ветвь одну
ветер раздул во мгле,
словно огонь в золе.

2

За оградой дол и лес.
И блеснувший реки надрез
перетянут жгутом моста,
где заклёпка середь креста.

3

Гул окраины. По пятам
растекается по домам
вязкий дёготь людских лавин.
И задевших кювет машин
тормоза переходят в альт.
И бутылочно-жёлт асфальт.

От подземки квартал всего.
Там товарища моего

обложили со всех сторон.
Слушают телефон.

По ночам в окошки глядят
и пространство окрест когтят.

1974